

УДК 34**Реализация принципа языка уголовного судопроизводства****Асанов Владимир Валерьевич**

Кандидат юридических наук, преподаватель,
кафедра уголовного процесса,
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации,
123001, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Садовая, 14;
e-mail: wladimir.asanov@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию природы принципа языка уголовного судопроизводства. Автор обращает внимание, что хотя принцип и отражает многоэтническую суть Российской Федерации, данный принцип порой трактуется расширительно и без учёта других, более специальных норм права. Использование данного принципа без его конкретизации порождает для лица как возможность реализации данного права как базовой и естественной потребности, так и стратегию поведения, направленную на злоупотребление правом. Автором отмечается, что проблема принципа языка уголовного судопроизводства давно переросла из механизма, обеспечивающего нормальное течение уголовного процесса, в, к сожалению, прежде всего, политический механизм, что едва ли верно. Язык уголовного судопроизводства призван формировать единое правовое пространство, обеспечивающее защиту интересов людей, общества и государства. Принцип языка уголовного судопроизводства должен обеспечивать единство языкового пространства с учётом особенностей России, воплощенного в ходе судебного разбирательства, а не служить инструментом разделения и неоправданных привилегий. Существующая правовая модель содержит все необходимые механизмы для преодоления неправильной трактовки содержания принципа и преодоления последствий такой трактовки.

Для цитирования в научных исследованиях

Асанов В.В. Реализация принципа языка уголовного судопроизводства // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 334-342.

Ключевые слова

Принципы уголовного процесса, принципы права, уголовный процесс, язык судопроизводства, права человека, права гражданина, верховенство права, судебное разбирательство, предварительное расследование.

Введение

Принцип языка уголовного судопроизводства, вместе с другими принципами уголовного процесса, определяя базовые правила стадий уголовного судопроизводства, призван формировать оптимальную для уголовно-процессуальных отношений среду, поощряя такие правила поведения, которые при решении задач уголовного судопроизводства позволяли бы всем участникам уголовного процесса иметь возможность в должной мере реализовать в свои интересы. Нормы–принципы традиционно предлагают стратегии поведения, которые, по замыслу законодателя, должны восприниматься участниками правоотношений предпочтительными для использования. Это, в свою очередь, должно позволять законодателю прогнозировать единообразное истолкование и применение всех норм, основанных на соответствующих принципах и заставлять участников правоотношений действовать должным образом в соответствующих ситуациях, достигая тем самым сохранения определённого устанавливаемого порядка.

Принцип языка уголовного судопроизводства призван решать подобную задачу. Например, когда законодатель, при определении условий уголовно-процессуальных отношений и определении их особенностей, неизбежно обязан учитывать многообразие коренных народов нашей страны, её многоязычие, равно как и случаи, когда общение на родном языке для индивида является не только его правом, но и необходимостью.

Интересен подход законодателя к решению этой проблемы. Согласно ст. 68 Конституции РФ государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации. При этом, согласно положениям ч. 2 упомянутой статьи, республики, являющиеся субъектами Российской Федерации, вправе устанавливать свои государственные языки, вследствие чего в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях таких республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации.

Основное содержание

Конституция РФ также гарантирует всем народам России право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития.

Формулируя принцип языка уголовного судопроизводства в ст. 18 УПК законодатель учитывает эти положения вследствие чего устанавливается правило согласно которому судопроизводство, за исключением производства в Верховном Суде Российской Федерации, кассационных судах общей юрисдикции, апелляционных судах общей юрисдикции и военных судах, ведется на русском языке, а также на государственных языках входящих в Российскую Федерацию республик. При этом законодатель определяет, что участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика в порядке, установленном УПК. В связи с этим обстоятельством, часть 1 ст. 189 УПК указывает, на обязанность следователя выяснить у допрашиваемого лица на каком языке такое лицо желает

давать показания в случае, если у следователя возникают сомнения, владеет ли такое допрашиваемое лицо языком, на котором ведётся производство по уголовному делу. Кроме того, УПК устанавливает процессуальную обязанность вручать соответствующему участнику уголовного процесса следственные и судебные документы переведенными на родной язык такого лица или на язык, которым он владеет. Очевидно что подобным способом законодатель стремится обеспечить интересы лиц не владеющих или ненадлежащим образом владеющих языком, на котором ведётся судопроизводство, позволить им в полной мере реализовать свои права.

Наше повседневное общение на родном языке или добровольное избрание какого-либо языка в качестве основного языка общения представляется нам естественным и очевидным решением. Принуждение же к разговору на чужом языке, тем более в ситуациях, когда недостатки во владении им могут повлечь неблагоприятные для участника отношений последствия, делает рассматриваемый принцип уголовного судопроизводства разумным и безусловно необходимым. В этом смысле он передаёт очевидные ожидания от общения в иноязычном окружении, предлагая помощь и поддержку лицам, не являющимся носителями языка, на котором осуществляется судопроизводство, позволяя обеспечивать надлежащую коммуникацию между разноязычными участниками правоотношений. В таком виде принцип языка судопроизводства помогает реализовать такое предназначение языка как общение и передача информации посредством действий посредника, осуществляющего перевод на понятные участникам общения языки.

Естественным важным назначением такого варианта поведения представляется, прежде всего, стремление наладить взаимодействие. Очевидной кажется и заинтересованность стороны обвинения в таком взаимодействии, а потому и в обеспечении участия переводчика и перевода документов, поскольку это позволяет ему, в конечном итоге, решить задачи уголовного процесса в части, возлагаемой на него как соответствующее должностное лицо.

Если значение языка (речи, как устной так и письменной) состоит в том, что он позволяет нам передавать информацию «не только в повседневной жизни, но и для формулирования абстрактных концепций в области науки, искусства, философии и религии» [Тейлор, 2016, с. 310] или, как отмечает В. Рамачандран, его значение состоит в том, что «он позволяет нам сообщать наши мысли и намерения» [Рамачандран, 2012, с. 142], то в таком смысле включение в уголовно-процессуальный закон рассматриваемого принципа на первый взгляд кажется закономерным. Язык нередко выступает тем критерием, которые позволяет людям заявлять о своей идентичности и общности, противопоставляя себя остальным. Более того, исследования явно свидетельствуют, что люди предпочитают сотрудничать с теми, кто разговаривает не только на одинаковом или схожем языке, но на одинаковом диалекте [Nettle, 1999, с. 57]. В этом случае задача рассматриваемого принципа состоит не только в возможности обмена информацией, но и в попытке наладить взаимодействие в ходе судопроизводства между людьми, являющимися носителями разных языков, исключить потенциальный конфликт и наладить диалог между людьми, относящимся себя к разным группам. Одновременно законодатель решает как более очевидную задачу взаимодействия с иностранными гражданами, которые не обязаны владеть соответствующим языком, на котором ведётся уголовное судопроизводство, так и обеспечивает общение в рамках той же процедуры с носителями языков народов России, не владеющими в достаточной мере языком судопроизводства. Решаются им также политическая и социо-культурная задачи сохранения языков коренных народов России, отчасти обусловленные вероятно и эффектом языкового сдвига, в ходе которого, при сочетании

различных объективных и субъективных факторов, происходит замена одного языка, свойственного обществу или группе, другим. Как отмечает Л. Гренобль: «Стабильные языковые сообщества характеризуются тем, что население свободно владеет языком и свободно использует его во всех областях. В отличие от стабильной ситуации, при языковом сдвиге не все представители этнолингвистической группы владеют языком своих предков или полностью не владеют. Экология языкового сдвига характеризуется различиями в уровне владения языком групп говорящих, и эти различия являются признаком сдвига. Одним из ключевых признаков языкового сдвига является то, что дети не изучают язык – передача из поколения в поколение имеет решающее значение для жизнеспособности языка. В случаях быстрого языкового сдвига потеря языка может произойти в одном поколении: язык быстро исчезнет, если количество говорящих относительно невелико, и все дети сразу же прекращают изучать язык». [Ленора Гренобль, 2021 с. 11]. Предпосылки к сохранению языка становятся возможными, поскольку для носителей языка формируется ещё одна социальная сфера, в которой возможно применение предпочтительного для индивидуума языка, отличного от языка судопроизводства, в то время как использование в таком случае какого-либо одного языка могло бы создать предпосылки для ускорения процесса отказа от языка, носителем которого является индивид. Законодатель вероятно сознаёт такую возможность и образует более сложную конструкцию для отношений, в которых один участник, при наступлении указанных в норме условий, вправе выбрать для общения язык, отличный от языка судопроизводства, определяемого по правилам ч. 1 ст. 18 УПК. Это влияет и на возможность реализации лицом своего права на защиту, позволяя лицу понимать суть предъявляемых ему обвинений и потенциально более эффективно осуществлять самозащиту своих прав. Если же речь заходит о лице, не имеющим статуса подозреваемого или обвиняемого, общение на понятном ему языке возможно позволяет также лучше реализовать права, определяемые ст. 51 Конституции России.

Описанное выше едва ли делает состоятельным утверждение о том, что рассматриваемый принцип исключительно правовой институт. В существующем в настоящее время виде он возникает отнюдь не сразу. Например, в ст. 410 Устав уголовного судопроизводства 1864 г. содержится правило, согласно которому: «К допросу обвиняемого, объясняющегося на языке, не понятном для судебного следователя, приглашается лицо, сведущее в этом языке» [Российское законодательство, 1991, с. 161].

Как отмечал в этой связи И.Я. Фойницкий: «Переводчики оказываются нужными суду, когда в деле встречается доказательство на чуждом или на непонятном для суда языке; всего чаще нужда в них встречается относительно свидетелей и подсудимых, преимущественно в наших отдаленных окраинах, но нужда эта может встретиться и по отношению к письменным доказательствам. По природе своей переводчики – доказательство вторичное; особенно опасным представляется оно, когда приходится иметь несколько переводчиков для последовательного перевода с двух-трех наречий. Весьма важно, поэтому, обеспечить надежность личного состава переводчиков. Это достигается частью тем, что они выбираются из лиц, имеющих все качества добросовестных свидетелей, и дают свои переводы под присягою (110, 450, 730, 731, уст. уг.), частью даже назначением особых для этой цели должностных лиц (449 учр.)» [Фойницкий, 1910, с.259]. Иначе говоря, здесь переводчик появляется в уголовном судопроизводстве прежде всего чтобы помочь суду и следователю понимать содержание показаний лица.

Однако после Октябрьской революции 1917 года такой подход меняется. Ст. 22. УПК РСФСР 1922 г. устанавливает норму, согласно которой: «Производство по уголовным делам

ведется на русском языке или на языке большинства населения данной местности. В случаях, когда обвиняемые, потерпевшие, свидетели или эксперты не владеют языком, на котором ведется производство по данному делу, суд обязан приглашать переводчиков и ставить заинтересованных лиц в известность о каждом производимом судом действии, через переводчика. Обвинительное заключение и иные документы должны быть вручаемы обвиняемым в этих случаях переведенными на родной язык обвиняемого и оглашаться, если он того требует также на его родном языке. Всякого рода бумаги и заявления могут быть подаваемы каждым из заинтересованных лиц на их родном языке, если удостоверено, что эти лица не владеют языком на котором ведется производство по данному делу» [УПК РСФСР, www...]. Это правило в полной мере соотносилось с идеей В.И. Ленина о том, что: «Демократическое государство безусловно должно признать полную свободу разных языков и отвергнуть всякие привилегии одного из языков» [Ленин, 1946, с. 204].

Разумеется норма находит отражение и в судебной практике. Причем, например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в определении от 20 апреля 1949 года указывала: «Органами расследования и судом допущено грубое нарушение ст. 22 УПК РСФСР. Расследование дела производилось на русском языке, в то время как осужденный М., по его утверждению, не знает русского языка, а переводчика ему предоставлено не было» [Судебная практика Верховного суда СССР, 1949, с. 46], а в определении Транспортной коллегии Верховного суда СССР от 16 декабря 1953 года указывалось, что для лиц, не владеющих языком, на котором ведётся следствие, должна быть реально обеспечена возможность давать объяснения на родном языке, а для полного ознакомления с материалами дела органы следствия обязаны предоставить обвиняемому переводчика, включая сюда случаи, когда обвиняемый слабо владеет языком судопроизводства [Судебная практика Верховного суда СССР, 1954, с. 15].

Приведённые примеры позволяют заметить и особо подчеркнуть, что нормативный подход к вопросу участия переводчика при производстве по уголовному делу отражают не в последнюю очередь вопросы языковой политики государства, и только отчасти являются собственно правовым вопросом, тем не менее отображая идеологические и иные предпочтения и ожидания. Впрочем, в существующих условиях иное решение в такой многоэтнической стране как наша, едва ли было бы уместным. Предложенная в настоящее время законодателем модель использования русского языка и других государственных языков субъектов Российской Федерации в качестве языков уголовного судопроизводства вероятно является оптимальным решением.

С другой стороны, вопрос предоставления переводчика и обязанности лица, осуществляющего расследование, предоставлять перевод процессуальных документов на язык соответствующему участнику уголовного процесса, как это предусмотрено в настоящее время ч. 2 и 3 ст. 18 УПК, хотя также по-сути и является необходимой мерой, в то же время требует не только более внимательного изучения, но и собственно правильного применения с учётом положений иных норм нашего законодательства.

Например, в настоящее время Россия переживает период активно поощряемого переселения на ее территорию лиц, не относящихся к числу коренных народов Российской Федерации, для которых ни русский язык ни государственные языки субъектов Российской Федерации не являются родными. Казалось бы применение положений ст. 18 УПК следует признать неизменным и в отношении данных новых граждан Российской Федерации, членов их семей, и, тем более, в отношении лиц, решающих в нашей стране, прежде всего, свои экономические задачи, но не имеющих желания или возможности приобрести гражданство Российской

Федерации. Однако, такое толкование нормы следует признать произвольным, расширительным и не учитывающим положение иных, более специальных норм. Необходимо помнить, что условием реализации и действительности рассматриваемого принципа является и точное и неукоснительное его соблюдение в строгом соответствии с законом. В таком случае, нельзя не учитывать, например, положения п. 2 ч. 1 ст. 15 Федерального закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "О гражданстве Российской Федерации» прямо указывающего на обязанность лица, приобретающего гражданство Российской Федерации владеть русским языком.

Близким образом обстоят дела с отдельными категориями иностранных граждан, стремящихся к длительному пребыванию и работе на территории Российской Федерации. Например, положения статьи 15.1 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ (в ред. от 28.12.2024) "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, указывают на обязанность подтверждения иностранными гражданами владения русским языком в целях получения разрешения на временное проживание, вида на жительство, разрешения на работу либо патента, указанного в статье 13.3 такого закона. Требование о переводчике, в таком случае, следует признать прямо нарушающим условия приобретения гражданства Российской Федерации или пребывания на территории России. В таком случае, заявленное требование о переводчике необходимо рассматривать, как минимум, как признание нарушения законодательства о гражданстве или миграционного законодательства.

С уголовно-процессуальной же точки зрения, заявление подобными лицами требования о выполнении лицом, осуществляющим расследование или судом обязательств, предусмотренных положениями ст. 18 УПК в отношении лиц не владеющих языком судопроизводства, следует считать злоупотреблением правом, поскольку лицо, апеллируя к своей этнической идентичности, игнорирует и не желает выполнять свою обязанность, вытекающую из условий возникновения его права на пребывание на территории Российской Федерации. Более того, необходимо помнить, что такое лицо не просто получает право на проживание на территории России, но в рассматриваемой ситуации дополнительно приобретает специальный статус и становится участником уголовного процесса, приобретая тем самым дополнительные права и обязанности, помимо тех, которые возникли у него в связи с устойчивой правовой связью с российским обществом и государством, приобретенные вследствие гражданства Российской Федерации или же и в связи с правом долгосрочного нахождения на территории России. Например, обязанность давать свидетельские показания, кроме случаев использования права, предусмотренного ст. 51 Конституции РФ, или обязанность не воспрепятствовать осуществлению правосудия и производству предварительного расследования. Необоснованное требование лица о предоставлении ему переводчика, в таком случае, следует рассматривать как попытку уклониться от исполнения своих обязанностей, вытекающих из уголовно-процессуального закона и противодействием законным требованиям лица, осуществляющего уголовное преследование или правосудие, что в свою очередь создаёт угрозу реализации прав и законных интересов другими участниками уголовного процесса и обществом в целом. В контексте положений части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации прямо указывающей на то, что осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц, формальный повод, которым выступает в данном случае этническая принадлежность лица, в тех случаях, когда по смыслу иных правовых норм

устанавливается презумпция знания языка судопроизводства, заявленное лицом требование не должно служить формальным основанием для реализации таким лицом права на переводчика и перевод, предусмотренных ст. 18 УПК.

Следовательно, отказ от предоставления переводчика и выполнения иных обязанностей лица, осуществляющего уголовное судопроизводство, предусмотренных ст. 18 УПК, нельзя рассматривать как нарушение прав такого участника процесса, включая его права на защиту, связанную с рассматриваемым принципом, поскольку мы наблюдаем за явно недобросовестным использованием им своих прав в ущерб интересам других участников процесса, что недопустимо.

В то же время, фактическое незнание лицом языка должно порождать для лица неблагоприятные последствия лишь в контексте сохранения им права на гражданство или пребывание на территории России, возбуждения производства в связи с обстоятельствами нарушения им соответствующего законодательства, приведшему к незаконному получению гражданства или права пребывания на территории Российской Федерации. Оставление без внимания такого факта надлежит рассматривать как помощь в сокрытии данного обстоятельства. При этом в уголовно-процессуальном смысле, фактическое незнание лицом языка побуждает к действию нормы ст. 18 УПК, которая должна выполняться вне зависимости от обязанности лица знать язык судопроизводства и мотивов его требования переводчика. Можно предположить, что в таком случае такая обязанность должна сохраняться лишь до тех пор, пока по обстоятельствам дела не будет фактически установлено что лицо знает язык судопроизводства. Продолжение необоснованного исполнения обязанности в отношении лица, заявившего о незнании им языка судопроизводства или недостаточном владении им в таком случае возможно рассматривать как содействие такому лицу в злоупотреблении им правом. Следует признать, что если общее правило принципа языка уголовного судопроизводства, как отмечалось выше, вероятно учитывает феномен языкового сдвига, принимая во внимание, что в случае, если носители соответствующих языков, приобретших российское гражданство, являются выходцами из стран, где они могли бы использовать свой родной язык и сохранять свою культурную идентичность, их добровольное присоединение к социо-культурному пространству Российской Федерации и добровольное следование в этой связи правилам приобретения гражданства России, в том числе указанных выше языковых требований, означает как сознательное игнорирование вероятности языкового сдвига так и намерение принять язык, культуру и традиции нашей страны. В свою очередь, российское общество по этим же причинам, учитывая намерения индивида стать его частью, выраженное фактом принятия российского гражданства, не обязано обеспечивать сохранение этнической идентичности такого индивида, не относящегося к числу коренных народов России, поскольку индивид принял решение о принятии гражданства самостоятельно и преднамеренно, в то время как мог бы при обычных условиях реализовать такую свою идентичность в стране из которой он прибыл на территорию Российской Федерации.

Заключение

Хотелось бы подчеркнуть, что описанные выше особенности участия переводчика при производстве по уголовным делам не порождают запрета на использование языка этнической группы или запрета на сохранение этнической идентичности лица. Для такой многоэтнической страны как Россия положения ст. 18 УПК, даже в таком несовершенном виде, в каком они

сформулированы в настоящее время, являются закономерностью и необходимостью. И коренные этнические группы России и иностранные граждане, временно пребывающие на территории нашей страны обладают всей полнотой возможностей для использования ими своих прав и исполнения обязанностей при реализации принципа языка уголовного судопроизводства в рамках соответствующих правоотношений. Однако по очевидным и естественным для всякой страны причинам приобретение гражданства Российской Федерации или права на пребывания на территории России представителями некоренных для России этнических групп предполагает особый порядок, способствующий их интеграции в российское общество. Потому никакие положения уголовно-процессуального закона не должны мешать этому процессу. По этой причине применение принципа языка уголовного судопроизводства без учёта положений других, зачастую более специальных норм права, особенно применение рассматриваемого принципа в нарушение специальных норм закона, и тем более поощрение нарушения таких норм закона необоснованным и неправильным применением рассматриваемого принципа и оставлением без последствий факта выявленных нарушений представляется недопустимым и разрушительным и для уголовного судопроизводства и для российского общества.

Библиография

1. Тейлор Д. Биология: в 3 т. Т. 3. – М., 2016.
2. Рамачандран В.С. Мозг рассказывает. Что делает нас людьми. – М., 2012.
3. Nettle D. Linguistic diversity. Oxford University Press, New York, 1999 – P. 57
4. Ленора Гренобль. Социоллингвистика и языковой сдвиг: к пониманию процессов сдвига через призму носителей [Электронный ресурс]//Социоллингвистика. 2021. № 2 (6). С. 9–35. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-2-6-9-35
5. Российское законодательство X - XX веков. Т. 8. Судебная реформа. – М., 1991.
6. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т2. СПб, 1910. — С. 259.
7. УПК РСФСР 1922 года. [Электронный ресурс]// https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/upk22 (дата обращения – 9 апреля 2025 года)
8. Ленин В.И. Соч., Т. 20, Изд. 4-е. — М., 1946.
9. Судебная практика Верховного суда СССР. 1949 г. №8.
10. Судебная практика Верховного суда СССР. 1954 г. №3.

Implementation of the language principle in criminal proceedings

Vladimir V. Asanov

PhD in Law, Lecturer,
Department of Criminal Procedure,
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
123001, 14, Bolshaya Sadovaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: wladimir.asanov@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to studying the nature of the language principle in criminal proceedings. The author draws attention to the fact that although this principle reflects the multi-ethnic nature of the Russian Federation, it is sometimes interpreted broadly and without taking into account other, more specific legal norms. The use of this principle without its specification creates for a person both the possibility of realizing this right as a basic and natural need, and a behavior strategy aimed

at abusing the right. The author notes that the problem of the language principle in criminal proceedings has long outgrown from a mechanism ensuring the normal course of criminal proceedings into, unfortunately, primarily a political mechanism, which is hardly correct. The language of criminal proceedings is intended to form a unified legal space that protects the interests of people, society and the state. The principle of the language of criminal proceedings should ensure the unity of the language space, taking into account the characteristics of Russia, embodied in the course of judicial proceedings, and not serve as a tool for division and unjustified privileges. The existing legal model contains all the necessary mechanisms to overcome the incorrect interpretation of the content of the principle and to overcome the consequences of such interpretation.

For citation

Asanov V.V. (2025) Realizatsiya printsipa yazyka ugovnogo sudoproizvodstva [Implementation of the Language Principle in Criminal Proceedings]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 334-342.

Keywords

Principles of criminal procedure, legal principles, criminal procedure, language of proceedings, human rights, civil rights, rule of law, judicial proceedings, preliminary investigation.

References

1. Taylor D. Biology: in 3 volumes, vol. 3. Moscow, 2016.
2. Ramachandran V.S. The brain tells. What makes us human. Moscow, 2012.
3. Nettle D. Linguistic diversity. Oxford University Press, New York, 1999 – P. 57
4. Lenore Grenoble. Sociolinguistics and language shift: toward understanding the processes of shift through the prism of speakers // Sociolinguistics. 2021. No.2 (6) [online]. Pp. 9–35. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2021-2-6-9-35
5. Russian legislation of the X - XX centuries. Vol. 8. Judicial reform, Moscow, 1991.
6. Foynitsky I.Ya. The course of criminal justice. T2. St. Petersburg, 1910. — p. 259.
7. Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1922. [online] // https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/upk22 (accessed - April 9, 2025)
8. Lenin V.I. Essays, Vol. 20, Ed. 4-E. — M., 1946.
9. Judicial practice of the Supreme Court of the USSR. 1949 №8.
10. Judicial practice of the Supreme Court of the USSR. 1954 №3.